

**МОГИЛЫ С ПОДБОЕМ
В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ
САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ***

В статье представлены результаты изучения погребений в подбоях, получивших распространение в Саяно-Алтае и на сопредельных территориях в раннем Средневековье. Приведен краткий историографический обзор различных аспектов исследования таких памятников. Анализ материалов раскопок раннесредневековых погребений в подбое позволил выявить их общие и особенные показатели и представить основные варианты интерпретации указанных объектов.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, раннее Средневековье, тюркская культура, погребальные памятники, подбой, интерпретация.

Важным элементом культуры древних и средневековых обществ является погребальный обряд. Традиции в этой сфере имеют весьма консервативный характер, а любые изменения обусловлены серьезными историческими событиями – миграцией, завоеванием и пр. Нередко даже отдельный показатель погребальной практики является свидетельством определенных процессов, происходивших в исследуемом обществе, и может рассматриваться как хронологический и этнокультурный маркер. По мнению многих исследователей, в обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий такое значение имеют могилы с подбоем, получившие распространение в культурах 2-й половины I тыс. н. э.

Подбой может быть определен как вариант оформления погребальной камеры, предполагавший сооружение в боковой стенке могильной ямы ниши для помещения

туда умершего человека, животного, предметов сопроводительного инвентаря, остатков трезны и пр. В археологической литературе достаточно подробно рассмотрены различные конструкции подбоев, обозначены признаки, отличающие данные сооружения от катакомб, а также представлены некоторые проблемы семантики указанной традиции (см.: [Соенов, 1993. С. 50; Смирнов, 1997. С. 218; Миняев, 2001. С. 128; Флеров, 2007. С. 82–102] и др.), что позволяет не останавливаться на этом дополнительно. При знакомстве с имеющимися исследованиями становится очевидным, что историко-культурная интерпретация подбоя различна для конкретных территорий и периодов. При возможном едином истоке традиции сооружения таких конструкций, дальнейшее их распространение было обусловлено специфическими процессами для отдельных обществ. В настоящей статье представлены возможности интерпретации

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект № 2010-1.2.1-300-028-022).

погребений в подбое в обрядовой практике раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий.

Различные аспекты изучения места погребений в подбое в культурах народов Саяно-Алтая и сопредельных территорий раннего Средневековья неоднократно затрагивались в работах целого ряда археологов. Не останавливаясь подробно на всех нюансах, обозначим основные взгляды исследователей, определившие современные представления об интерпретации данного элемента обрядовой практики кочевников региона.

Одной из наиболее распространенных является точка зрения о том, что раннесредневековые погребения в подбоях, раскопанные на территории Саяно-Алтая, связаны с уйгурами. Основанием для такого предположения стали работы Л. Р. Кызласова [1969. С. 56–87; 1981], в которых археолог отнес к памятникам обозначенной общности захоронения в катакомбах могильников Чааты I и II в Туве. Впоследствии данная позиция получила поддержку и развитие в публикациях ряда исследователей. Тезис о том, что погребения в подбоях в культуре раннесредневековых тюрков Тывы являются результатом влияния уйгуров, последовательно представлялся в статьях Б. Б. Овчинниковой [1982. С. 217; 1983. С. 65; 1984. С. 219]. В работах других археологов такой вариант интерпретации могил с боковой нишей распространялся и на памятники сопредельных территорий (см.: [Савинов, 1984. С. 93; Нестеров, 1985. С. 118; Алехин, Илюшин, 1998. С. 211–212] и др.).

Следует подчеркнуть, что веских аргументов в пользу обозначенной гипотезы, помимо утверждения об уйгурской принадлежности комплекса Чааты, высказано не было. Вместе с тем такая атрибуция указанного памятника представляется в настоящее время, по меньшей мере, неоднозначной. Впервые вопрос о пересмотре датировки и этнокультурной принадлежности комплекса Чааты, предложенных Л. Р. Кызласовым, был поднят О. Б. Варламовым [1987]. По мнению исследователя, объекты указанного некрополя относятся к гунно-сарматскому времени, а зафиксированная специфика погребального обряда (сооружение катакомбы под земляным курганом, кольцевая деформация черепов умерших и пр.) указывает на

западные аналогии. В развернутом виде данная точка зрения представлена в работе Ю. С. Худякова [2006. С. 80–88]. Исследователь предложил рассматривать могильники Чааты I и II в рамках самостоятельной археологической культуры 2-й четверти – середины I тыс. н. э. Происхождение традиций, зафиксированных в материалах данных памятников, Ю. С. Худяков связал с пришлым этносом, мигрировавшим на территорию Тувы из южных районов Центральной Азии [Там же. С. 83]. Предлагались и другие варианты интерпретации чаатинского комплекса [Азбелев, 1991; Савинов, 2006]. Что касается концепции Л. Р. Кызласова, то в последние годы она продолжает транслироваться некоторыми исследователями [Длужневская, Савинов, 2007. С. 142–143], однако в большей степени рассматривается уже только в историографическом плане [Ховалыг, 2010. С. 46–48].

В такой ситуации несколько более обоснованной выглядит позиция археологов, которые предполагают связь «подбойных» погребений раннесредневековых тюрков с традициями, характерными для населения Средней Азии предшествующего времени. Отмечено, что на территории Тянь-Шаня могилы с боковой нишей фиксируются в памятниках раннего железного века, однако захоронения лошади там не получили распространения. Соответственно погребения тюркской культуры в подбое и в сопровождении животного, исследованные в указанном регионе, могут являться результатом смешения местного населения и пришлых центральноазиатских племен кочевников [Москалев и др., 1996. С. 62; Табалдиев, 1996. С. 25]. Возможное происхождение раннесредневековых «подбойных» погребений Тувы из Средней Азии или малоисследованных районов запада Центральной Азии отметил С. С. Миняев [2001]. При этом исследователь подчеркнул, что уже в хуннское время подобные объекты получили распространение на обширных территориях, в чем, вероятно, отражаются традиции определенной группы населения. Своего рода развитием обозначенных точек зрения является предположение Г. В. Кубарева о том, что появление подбоев в культуре раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая обусловлено контактами с «западными» тюрками [2005. С. 20]. В качестве подтвер-

ждения исследователь привел указанные выше материалы раскопок захоронений с лошастью на территории Тянь-Шаня.

В целом вопросы интерпретации ранне-средневековых погребений в подбое в культурных традициях раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий остаются открытыми. Уточнение имеющихся представлений требует проведения специального исследования с учетом всех показателей, характерных для таких памятников.

В письменных источниках не содержится информации о сооружении подбоя в обрядовой практике какой-либо общности кочевников Центральной Азии раннего Средневековья. Имеются сведения о том, что в более позднее время (в середине XIII в.) для погребения представителей знатных родов монгольского общества в могильной яме делали боковую нишу [Джиованни дель Плано Карпини, 1957. С. 32–33]. На основании этих материалов некоторые исследователи называют захоронения в подбое, раскопанные на различных территориях, среди отличительных признаков обрядности монголов [Федоров-Давыдов, 1966. С. 159–161; Именхоев, Коновалов, 1985. С. 83–84]. Вместе с тем приведенные данные мало применимы для атрибуции памятников 2-й половины I тыс. н. э., учитывая сложные этнокультурные процессы, происходившие в рассматриваемом регионе в указанный период. Поэтому единственным источником в данном случае являются погребальные комплексы раннего Средневековья.

В настоящей работе рассматриваются главным образом захоронения тюркской культуры, исследованные на территории Саяно-Алтая. Для уточнения некоторых вопросов привлекались также результаты работ на памятниках данной общности в Монголии и Кыргызстане. Кроме того, учитывались материалы раскопок раннесредневековых комплексов Восточного Казахстана (культура кимаков). Вопросы, затронутые в работе, определили необходимость обращения и к другим материалам в широких территориальных и хронологических рамках.

Рассмотрение опубликованных и частично введенных в научный оборот материалов раскопок более 300 погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая позволило выявить ряд захоронений в подбое. Наибольшее распространение такие объек-

ты получили в Минусинской котловине – 14 могил [Евтюхова, 1948. С. 61–62. Рис. 112; Савинов и др., 1988. Рис. 1–4; Худяков, 1999. С. 23; 2004. С. 28–32] и Тыве – 12 погребений [Трифонов, 1975. С. 236–237; Овчинникова, 1982. С. 210–212. Рис. 1; 1990. Рис. 1; 2004. С. 88–108; Длужневская, 2000. С. 179; Длужневская, Савинов, 2007. С. 127]. Только одно подобное захоронение зафиксировано на Алтае [Молодин и др., 2003. С. 73. Рис. 6]. Кроме того, имеется информация о подбоях в двух погребениях Монголии [Худяков, Цэвэндорж, 1999. С. 84; Эрдэнэбаатар и др., 2004. С. 177], однако отсутствие четкого описания конструкций, а также отражения их в иллюстративном материале не позволяет в полной мере привлекать данные объекты.

Рассмотрим основные показатели погребальных сооружений, характерные для захоронений тюркской культуры в подбоях. При исследовании памятников Тывы и Алтая фиксируется устойчивая корреляция могил с боковой нишей с наземными конструкциями в виде крепиды или ограды. Такие сооружения возведены над всеми погребениями в подбое на указанных территориях. Данный показатель не выглядит случайным, учитывая, что подобные сложные надмогильные конструкции характерны только для 22–28 % памятников тюркской культуры Алтая и Тувы [Серегин, 2009. Табл. 1]. Значительно реже крепиды или ограды возводились над могилами с подбоем, исследованными в Минусинской котловине. Другой отличительной характеристикой комплексов обозначенного региона является распространение впускных погребений, большая часть которых включала захоронение в боковой нише [Савинов и др., 1988. Рис. 1–4].

Характерным признаком захоронений в подбое, зафиксированным при исследовании разновременных комплексов на обширных территориях, является отделение входа в нишу стенкой из различных материалов (см.: [Федоров-Давыдов, 1966. С. 124; Левина, 1996. Рис. 55; Корусенко, 2003. Рис. 37] и др.). Такая ситуация фиксируется и в материалах тюркской культуры Саяно-Алтая. В Тыве почти во всех могилах подбой был закрыт каменной стенкой, в одном случае дополненной перегородкой из деревянных кольев [Овчинникова, 1982. Рис. 1]. Гораздо большая вариабельность таких конструкций

зафиксирована в ходе раскопок на территории Минусинской котловины. Перегородки, отделявшие захоронение в подбое на памятниках этого региона, были каменными [Худяков, 2004. С. 28–29], деревянными [Савинов и др., 1988. Рис. 1–4], представляли собой грунтовую перемычку [Евтюхова, 1948. С. 61–62. Рис. 112; Худяков, 1999. С. 23] или вообще отсутствовали [Савинов и др., 1988. Рис. 3, 3; Худяков, 2004. С. 30]. Не встречено каких-либо дополнительных конструкций и при исследовании погребения в боковой нише на Алтае [Молодин и др., 2003. Рис. 6].

Подбой обычно сооружался для помещения туда умершего человека. Единственное известное исключение в материалах тюркской культуры Саяно-Алтая представляет погребение, исследованное на могильнике Терен-Кель в Минусинской котловине, где в боковой нише могильной ямы находилась лошадь [Худяков, 1999. С. 23]¹. Весьма типичны и показатели ритуала, характерные для захоронений в подбое. В погребениях Тывы и Алтая зафиксирована ориентировка человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади и расположение животного слева от умершего. Для могил с боковой нишей, исследованных в Минусинской котловине, отмечена западная с отклонениями ориентация человека и лошади, а также помещение животного справа. Обозначенные характеристики соответствуют двум «стандартам» погребального ритуала, получившим распространение в обрядовой практике населения тюркской культуры Саяно-Алтая [Серегин, 2010а. С. 177].

В целом необходимо подчеркнуть, что могилы с подбоем в полной мере «вписываются» в общую концепцию погребального обряда населения тюркской культуры. В «обычных» могилах рассматриваемой общности умерший человек нередко отделен от лошади перегородкой из различных материалов, а сопроводительное захоронение животного зачастую находится на приступке, немного выше погребенного. Схожая ситуация наблюдается и при изучении

могил с боковой нишей. Подбой, в котором помещен умерший человек, отделен стенкой от лошади, находившейся в основной части ямы. При этом уровень боковой ниши практически во всех случаях ниже уровня основной могилы. Не фиксируется каких-либо отклонений в традициях погребального ритуала, а также характерном для тюркской культуры составе сопроводительного инвентаря. Важно отметить, что в ряде случаев захоронения в боковой нише исследованы на могильниках в одной группе с «обычными» объектами [Худяков, 2004. С. 28–32; Молодин и др., 2003. Рис. 4]. Все это позволяет утверждать, что погребения в подбоях не являются инокультурными по отношению к другим памятникам рассматриваемой общности. Судя по всему, такие объекты принадлежат определенной группе населения в рамках тюркской археологической культуры.

Анализ имеющихся материалов позволяет обозначить два основных варианта объяснения появления могил с подбоем в обрядовой практике населения тюркской культуры Саяно-Алтая. Выше отмечалось, что традиция совершения захоронений в боковой нише фиксируется в памятниках предшествующего хронологического периода. Поэтому не исключено, что обозначенный элемент погребального обряда тюркской культуры уходит корнями в культурные традиции населения Саяно-Алтая и сопредельных территорий гунно-сарматского времени. Действительно, захоронения в подбое встречены при исследовании памятников кокзельской [Николаев, 2001. С. 10], булан-кобинской [Матренин, 2005. С. 111] культур и грунтовых могильников тесинского этапа [Савинов, 2009. С. 73]. На более отдаленных территориях Средней Азии подобные объекты также получили распространение [Горбунова, 1991]. Очевидные черты преемственности с традициями более раннего времени, фиксирующиеся в материалах тюркской культуры [Савинов, 1998; Тишкин, Серегин, 2011], являются косвенным подтверждением данной точки зрения.

Вместе с тем предположение о генетической преемственности раннесредневековых «подбойных» погребений Саяно-Алтая с памятниками предшествующего периода имеет слабые места. Захоронения в боковой нише не встречены в ходе раскопок памят-

¹ Судя по приведенному описанию, такая же ситуация зафиксирована в ходе раскопок впускного захоронения тюркской культуры в Монголии [Эрдэнэбаатар и др., 2004. С. 177].

ников начальных этапов в развитии тюркской культуры. Наиболее ранние «подбойные» погребения данной общности датируются 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в., однако исследованы такие объекты пока только на территории Тянь-Шаня [Бернштам, 1952. С. 81–83. Рис. 44–45]. В памятниках Саяно-Алтая захоронения в боковой нише появляются несколько позже. Установление и обоснование хронологии погребений в подбое, исследованных в указанном регионе, требует проведения отдельного исследования, однако очевидно, что основная их часть датируется в рамках 2-й половины VII – VIII вв. Поэтому нельзя исключать, что рассматриваемый показатель обряда является для культуры раннесредневековых тюрков новацией, привнесенной на определенном этапе развития данной общности в результате этнокультурных контактов с какой-либо иной группой населения.

Однозначное заключение в данном случае являлось бы преждевременным. И все же, в свете известных материалов раскопок археологических комплексов Саяно-Алтая различных периодов, первое из высказанных предположений выглядит более предпочтительным. В распоряжении археологов нет сведений о том, что раннесредневековые захоронения в боковой нише связаны с какой-либо конкретной этнической группой, чего, безусловно, нельзя исключать. Между тем погребения в подбое исследованы на памятниках региона раннескифского [Демин, Шульга, 1995. С. 98–101; Тишкин, 1996. С. 24. Рис. 13; Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 59], скифо-сакского [Могильников, 1983; 1994. С. 36–38; Тишкин, Дашковский, 2003. С. 134] и гунно-сарматского [Комплекс археологических памятников..., 1979. С. 80. Рис. 53; Соенов, 2000. С. 48–49. Рис. 5, 6; Кирюшин и др., 2011. С. 96] периодов. Во всех общностях указанного времени захоронения в боковой нише представляли собой незначительное меньшинство, однако это не становится основанием для утверждения, что такие комплексы являются инокультурными. Скорее это может демонстрировать присутствие во многих объединениях номадов Саяно-Алтая некоего компонента, не имевшего доминирующего значения, но сохранявшегося на протяжении длительного промежутка времени. Подчеркнем, что данное

утверждение в настоящее время можно рассматривать только как рабочую гипотезу.

Вероятно, такая сравнительно немногочисленная группа, хоронившая умерших в подбоях, присутствовала и среди кочевников тюркской культуры. Судя по материалам раскопок на территории Саяно-Алтая, представители данного населения имели в обществе раннесредневековых номадов различный статус. Наиболее монолитно выглядят погребения в подбое, исследованные в Тыве. Здесь они сконцентрированы на нескольких некрополях, расположенных достаточно компактно в центральной части региона. Очевидно, данные памятники не связаны с представителями элиты социума раннесредневековых тюрков [Серегин, 2010б]. Однако следует согласиться с Б. Б. Овчинниковой [1983; 1984] в том, что большая часть тувинских захоронений в подбое принадлежит профессиональным воинам, в том числе командовавшим подразделениями различного уровня. Совершенно иная ситуация характерна для погребений в боковой нише, раскопанных на территории Минусинской котловины. «Подбойные» захоронения тюркской культуры в этой части Саяно-Алтая расположены дисперсно и встречены на могильниках, исследованных во всех частях региона. Социальный статус погребенных различен, однако очевидно, что значительная часть объектов оставлена населением, не отличавшимся при жизни высоким положением. Наиболее «инородной» рассматриваемая традиция выглядит на Алтае. Единственное достоверно известное погребение в подбое исследовано в группе наиболее южных комплексов указанного региона². Учитывая, что данную зону можно назвать контактной, появление подбоя в этом случае допустимо связывать с влиянием населения соседних регионов.

Обратимся к материалам раскопок погребений в подбое, полученным на сопредельных территориях. Достаточно немногочисленны захоронения в боковой нише в культуре кимаков Восточного Казахстана. Подобные объекты исследованы на памятниках Акчий I–III, Ахмирово I, Зевакино,

² Имеется также указание на погребение в подбое на могильнике Талдуаир I [Кубарев, 2005. С. 377. Табл. 97], однако отражение данной конструкции в иллюстрациях отсутствует.

Карашат I–II, Когалы II, Кондратьевка [Ахинжанов и др., 1987; Суворова, Ткачев, 1995; Алехин, Илюшин, 1998; Арсланова, 1998]. Во всех случаях «подбойные» погребения зафиксированы на некрополях, основную часть которых составляют захоронения в простых могильных ямах. Отмечены немногочисленные случаи, когда рассматриваемые объекты содержали «выдающийся» сопроводительный инвентарь и были центральными, что является одним из свидетельств высокого прижизненного статуса умерших [Ахинжанов и др., 1987. С. 186–190. Рис. 96–97]. Однако чаще наблюдается обратная ситуация. Значительная часть погребений в подбое кимаков Восточного Казахстана – захоронения рядовых членов социума. Зафиксировано также сооружение ниши в могилах, включавших «бедный» сопроводительный инвентарь и принадлежавших, судя по ряду признаков, представителям населения с низким статусом [Там же. С. 161–168]. «Подбойные» погребения, раскопанные в различных районах Средней Азии, близкие по обряду комплексам тюркской культуры, также не отличаются богатством сопроводительного инвентаря (см.: [Бернштам, 1952. С. 81–83. Рис. 44–45; Винник, 1963. С. 87–88. Рис. 15–16; Худяков, Табалдиев, 2009. Рис. 35] и др.).

Символическое значение погребений в подбое в традициях тюркской культуры, в связи со слабой степенью изученности системы мировоззренческих представлений раннесредневековых кочевников, остается дискуссионным. Исходя из общей логики погребального обряда кочевников указанной общности, подбой мог в более усложненной форме, чем простая перегородка, демонстрировать отделение умершего человека от находящейся рядом лошади. Другое объяснение может быть связано со стремлением создания «тайного» погребения, позволяющего избежать осквернения могилы в случае ограбления.

Изучение всех показателей раннесредневековых «подбойных» погребений Саяно-Алтая и сопредельных территорий позволяет сделать ряд выводов.

Анализ захоронений в боковой нише показал, что специфика таких объектов по отношению к другим комплексам тюркской культуры сильно преувеличена. Выяснилось, что зафиксированные характеристики

погребений в подбое полностью соответствуют канонам обряда, характерным для традиций рассматриваемой общности. Вариативность наземных и внутримогильных конструкций, фиксируемая при исследовании захоронений в боковой нише, также идентична обрядовой практике населения тюркской культуры.

Вопрос о происхождении традиции сооружения подбоя в погребальной обрядности раннесредневековых тюрков на основании имеющихся материалов не может быть решен однозначно. Вместе с тем, если учесть устойчивое присутствие такой практики в культурах кочевников рассматриваемого региона начиная с раннескифского времени, вполне вероятным представляется предположение о существовании на протяжении длительного периода определенного компонента, получившего отражение и в памятниках второй половины I тыс. н. э.

Погребения в подбое тюркской культуры, раскопанные в Саяно-Алтае и на сопредельных территориях, принадлежат определенной группе населения, имевшей в обществе раннесредневековых кочевников различный статус. Данный вывод соответствует как имеющимся представлениям о полиэтничном составе империй Центральной Азии, объединявших в рамках одной общности носителей различных, хоть и чаще всего близких, культурных традиций, так и очевидной сложности организации социумов. Дальнейшее исследование проблемы происхождения обычая захоронений в подбое в обрядовой практике населения региона на различных хронологических периодах имеет большие перспективы, если учесть значимость данного показателя для этнической идентификации памятников развитого Средневековья и более позднего времени, исследованных на обширных территориях.

Список литературы

Азбелев П. П. К исследованию культуры могильников Чааты I–II // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 61–68.

Алехин Ю. П., Илюшин А. М. Уйгурские курганы IX–X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 207–219.

Арсланова Ф. Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из казахстанского Приирты-

шья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 97–110.

Ахинжанов С. М., Ермолаева А. С., Максимова А. Г., Самашев З. С., Тамагабетов Ж. К., Трифонов Ю. И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 279 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26. 346 с.

Варламов О. Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 181–183.

Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 79–93.

Горбунова Н. Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э.) // СА. 1991. № 3. С. 20–30.

Демин М. А., Шульга П. И. Работы в районе р. Сентелек // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. 5, ч. 2. С. 97–101.

Джиованни дель Плано Карпини. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 272 с.

Длужневская Г. В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 178–188.

Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007. 197 с.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.

Именхоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 69–86.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. 232 с.

Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Тишкин А. А., Матренин С. С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка I) // Полевые исследова-

ния в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

Кызласов Л. Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 52–54. (Серия: Археология СССР).

Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: Вост. лит., 1996. 396 с.

Матренин С. С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 105–119.

Миняев С. С. К проблеме генезиса средневековых подбойных погребений Южной Сибири // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 123–128.

Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3–39.

Могильников В. А. Курган 2 могильника Карасу II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н. э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 35–39.

Молодин В. И., Новиков А. В., Соловьев А. И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 71–86.

Москалев М. Н., Табалдиев К. Ш., Митько О. А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек, 1996. 259 с.

Нестеров С. П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 111–121.

Николаев Н. Н. Культура населения Тувы первой половины I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 26 с.

Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА. 1982. № 3. С. 210–218.

Овчинникова Б. Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 60–68.

Овчинникова Б. Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. М., 1984. С. 215–223.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.

Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М., 2004. С. 86–110.

Савинов Д. Г. К этнической истории уйгуров на территории Южной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 90–93.

Савинов Д. Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 130–141.

Савинов Д. Г. Потомки кокэльцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2006. Вып. 24. С. 44–50.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.

Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л., 1988. С. 83–103.

Серегин Н. Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия: История, политология. 2009. № 4/2 (64/2). С. 190–194.

Серегин Н. Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая //

Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010а. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.

Серегин Н. Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI вв.) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. М., 2010б. С. 46–47.

Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Вост. лит., 1997. 279 с.

Соенов В. И. Археологический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. 95 с.

Соенов В. И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. 2000. № 5. С. 48–62.

Суворова Г. И., Ткачев А. А. Кимакские погребения могильника Архмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 253–266.

Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Тишкин А. А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Трифонов Ю. И. Работы в Туве и Хакасии // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 236–238.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

Флеров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. – IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. – XIV в. н. э. М.: Туас, 2007. 372 с.

Ховалыг У. Т. Проблемы истории и культуры древних уйгуров Центральной Азии в археологических исследованиях // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, фило-

логия. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 42–50.

Худяков Ю. С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 21–26.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск, 2006. 130 с.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 293 с.

Худяков Ю. С., Цэвендорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 82–90.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю. С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

Материал поступил в редколлегию 08.02.2012

N. N. Seregin

BURIALS IN GRAVE'S NICHE IN FUNERAL RITE OF NOMADIC TRIBES OF SAYAN-ALTAY AND NEIGHBOURING REGIONS IN EARLY-MIDDLE AGES: PROBLEMS OF INTERPRETATION

Results of study of burials in grave's niche, which was spread in nomad's cultures of Early-Middle Ages in Sayan-Altay and neighbouring regions, are presented in the article. Shortly historiography of different aspects of such object's research concerned. Analyses of burials in grave's niche let to reveal general and specific characters of it and to define main version for interpretation of these objects.

Keywords: Sayan-Altay region, Early-Middle Ages, Turk culture, burials, grave's niche, interpretation.